

Ольга Бугославская

Без анестезии

В конце восьмидесятых, когда вновь открыто заговорили о сталинском терроре, ожидалось, что общество ужаснется и предпримет все усилия к тому, чтобы обезопасить себя от подобных угроз в будущем. Но реакция была, как принято говорить, неоднозначной, никакого решительного осуждения не последовало. Теперь, спустя тридцать лет после распада СССР и шестьдесят пять — после XX съезда, сформировался запрос вовсе не на очищение и самозащиту, а на так называемое примирение со своим прошлым. Попытки такого примирения выражаются в нескольких расхожих идеях: жертв террора было не так уж и много, в основном советский народ жил вполне счастливо; не все жертвы были безвинны, многих наказали за дело; народ заплатил высокую цену, но зато построил индустриально развитую страну — и так далее. В литературе этот тренд проявился в целом ряде произведений, которые предлагают публике свои варианты утешения. То промелькнет мысль о том, какой прекрасной была идея воспитания нового человека и как интересны и сильны были люди, воплощавшие ее в жизнь (роман «Обитель»). То возникнет тема вины, которая якобы лежала на самих жертвах репрессий и настоятельно требовала искупления (роман «Авиатор»). То страшная жизнь в ссылке окажется всего лишь продолжением не менее страшной жизни в патриархальном доме (роман «Зулейха открывает глаза»). Большую роль в создании комфортного мифа о прошлом сыграла и старая-добрая сказка про «любовь, которая

преодолеет все преграды». Так что в целом картина сталинских лет получилась вовсе не безнадежной. Именно эта утешительная и духоподъемная нота во многом помогла снискать всем этим произведениям популярность. Недавно вышедший роман Виктора Ремизова «Вечная мерзлота» — книга совсем с другой полки. Автор не оставляет никакого места для приятных заблуждений и незаметного ухода в сторону.

Виктор Ремизов один за другим разрушает успевшие укрепиться бастионы. Первый из них — представление о том, что сталинская власть была пусть и крайне жесткой, но зато сугубо рациональной и эффективной. Все события в романе разворачиваются на фоне грандиозного строительства Великой Сталинской Магистральной: «Полторы тысячи километров железной дороги предстояло проложить по Полярному кругу, соединяя Северный Урал с низовьями Енисея. Все ресурсы, вся тьма стройматериалов, техники, продуктов, еды, людей, конвоя для людей и надзирателей над людьми были расписаны народно-хозяйственными планами по годам, выделены и двигались, стекались со всей страны к месту назначения». В качестве рабочей силы использовались преимущественно заключенные. Стройка имела колоссальный размах и успела съесть огромный объем ресурсов и финансовых средств. Но погоня за показухой привела к тому, что строительство стало быстро превращаться в потемкинскую деревню, возводимую лично для вождя: «Ленточки разрезали, ура прокричали, шапки в воздух, в Москву рапорт: проложены первые километры по нехоженой тайге!.. Замерзли болота, сверху и положили! И ни один проектировщик никогда

Виктор Ремизов. Вечная мерзлота: Роман. — Владивосток: Рубеж, 2021.

не посмеет сказать правду». Сразу после смерти Сталина стройку сначала законсервировали, а потом полностью остановили и бросили. Иллюстрация весьма наглядна: система управления страной при диктаторском режиме постепенно настраивается на достижение одной-единственной цели: угодить тирану, и ее задачей становится имитация успехов.

Что же касается рационализации действий ОГПУ — НКВД — МГБ и внутренней политики Сталина, которая, собственно, и действует как успокоительное лекарство, то она рассмотрена в романе на двух уровнях: государственном и личном. От имени государства здесь говорит сотрудник органов. Его тезис хорошо известен и весьма популярен: в России иначе нельзя. Сталину «надо было управлять огромной страной! Необразованной, никогда не знавшей, что такое самодисциплина! Что такое ответственность за себя, за свое поведение! Страной, завистливой к чужому богатству, ленивой, живущей в грязи и впроголодь, совсем не знающей высокой культуры! Как только можно было ей управлять? Только страхом! Веками барин управлял розгами, и другого ничего русский мужик не знал и не хотел понимать! ...Хозяин, как опытный врач, вводил точечные дозы страха! В одну отрасль, в другую! Небольшие, чтобы не забывались!» По признанию того же спецслужбиста, держится такое устройство не столько на карательных органах, сколько на готовности большинства населения пожертвовать меньшинством «ради общего блага». Такое понимание вещей, ставка на дикость и отсталость порождают фатальный порочный круг: страна, толком не знавшая законов прежде и вновь управляемая с помощью грубой силы и страха, не развивается, а еще глубже погружается в беззаконие.

На персональном уровне реализация этой установки подробно описана на примере двух главных персонажей: отбывающего двадцатипятилетний срок геолога Георгия Горчакова и молодого енисейского капитана Александра Белова. Это, собственно, и есть те люди, управлять которыми, по мысли офицера МГБ, можно только розгами.

Горчаков — когда-то заслуженный геолог, доктор наук, а к моменту начала действия уже бывалый эзк, человек, внутренне сломленный и давно поставивший на себе крест. От внешних проявлений отчаяния его спасает

что-то вроде душевного наркоза, в который он смог сам себя погрузить. В Москве у него осталась семья — жена и двое сыновей. Будучи уверенным, что никогда больше не вернется на свободу, Горчаков принимает решение порвать все связи с родными и пишет жене письмо, в котором просит забыть о нем и по возможности выйти замуж за другого. Трижды судимый Горчаков свой первый срок получил, когда наверху решили, что свою порцию страха должны получить геологи — разработчики рудных месторождений в Норильске, которые буквально только что считались героями труда и авангардом строителей коммунизма. Совершенно произвольно была отобрана группа «вредителей», внутри этой группы так же произвольно были назначены «инициаторы» и «исполнители», а затем, как в лотерею, розданы приговоры — от десятилетних сроков до высшей меры. Горчаков в доверительном разговоре рассказывает об этом Белову: «— На суде меня назвали членом фашистской террористической организации и обвинили во вредительской деятельности по сокрытию месторождений полезных ископаемых. Всё обвинение держалось на показаниях одного человека, мы с ним даже не были знакомы. Он оговорил многих, на очной ставке ни говорить, ни стоять не мог, только кивал, его всего трясло — страшное было зрелище. ...Суд надо мной занял меньше десяти минут. ...Мне дали десять лет, а девять человек из шестнадцати были расстреляны. Расстрелянные ничем не отличались от приговоренных к срокам, я не знаю, почему убили именно их...»

Жизнь или смерть — орел или решка.

Но самый тяжелый груз в романе ложится на плечи второго главного персонажа — капитана речного буксира Сан Саныча Белова. С ним связаны две ключевые темы книги. Во-первых, его опыт позволяет показать читателю цену фатальных заблуждений и нежелания признавать очевидное. Работая на Енисее, встречая заключенных и ссыльных, зная об их судьбе, прямодушный и наивный капитан Белов тем не менее долгое время остается верным сталинцем, верящим в гений вождя и величие его целей. Эту веру укрепляет высокая правительственная награда, врученная Белову в Москве. Все меняется, когда он сам оказывается в застенках тюрьмы, где его бесчеловечно унижают и пытаются, выколачивая признание в участии в выдуманном заговоре

и принуждая дать обвинительные показания на близких и дальних знакомых. «Вечная мерзлота» — трудное чтение. Автор погружает читателя в воссозданную им реальность и медленно проводит по всем кругам ада, через допросы, издевательства, угрозы, избиения и инквизиторские пытки, давая отчетливо понять и представить, как должен был внутренне меняться подвергавшийся всему этому живой человек. И главное — писатель не дает забыть о том, что и допросы, и пытки, и надругательства не преследовали никакой иной цели, кроме масштабной фальсификации. От верховной власти исходил запрос на разоблачение крупных заговоров — органы откликнулись и спешно надували еще один огромный пустой пузырь-симулякр. Пустой, но при этом пожирающий людей.

Во-вторых, история капитана Белова в качестве одного из элементов включает в себя архетипический фаустианский сюжет, хорошо помогающий осмыслить реальную жизнь сталинских времен. Белов проходит через отказ от сделки с дьяволом, то есть от сотрудничества с органами в качестве стукача. Этот отказ превращает его в объект особенно жестокого и мстительного преследования. Существенно, что к отказу он приходит через первоначальное согласие, продиктованное все той же наивностью и нежеланием признать черное черным. Он попадает в сеть незаметно для самого себя. Никакого отчетливого момента выбора в его жизни не было. Выбор между ролью доносчика и неминуемой гибелью встал перед героем романа позже, когда он уже был в лапах сатаны. В этом романе человек, сталкиваясь со злом, не видит всей картины, не отдает себе отчета, с чем имеет дело, и от этого его положение становится все страшнее и опаснее. Герои Виктора Ремизова часто оказываются в абсолютно безвыходном положении, когда нет большего и меньшего зла, когда беспросветное зло окружает их со всех сторон.

Теперь о спасительной любви и ее силе. Напомню: у Горчакова в Москве осталась жена с детьми. Белов влюбляется во француженку по имени Николь, которая по недоразумению оказалась среди ссыльных из Прибалтики. Обе женщины проявляют и настоящую любовь, и нечеловеческую стойкость, и героическую решительность. Но обе истории любви в романе — это трагедии. Из длинной череды

потрясений, потерь и несчастий все герои, и мужчины, и женщины, выходят настолько изломанными, обессиленными и искалеченными, что их финальное воссоединение выглядит робким проблеском счастья на фоне тотального торжества злого и упрямого абсурда над нормальной жизнью.

Действие романа охватывает последние годы сталинской эпохи. С нашей сегодняшней точки зрения может показаться, что людям тогда должно было потихоньку становиться легче, поскольку период террора подходил к концу. В романе же мы видим, что каждый день стоил кому-то жизни. Один из финальных эпизодов романа — кровавое подавление лагерного бунта: «И тут загрохотали пулеметы. Горчаков вздрогнул от неожиданности. Со стен лагерных бараков летела щепа, звенели и сыпались окна. Стреляли с вышек и с крыш домов дивизиона охраны... Пулеметы легко прошивали стены, людям было не спрятаться». Так что нет, легче не становилось. Тирания — такая болезнь, которая может только усиливаться.

Какой изображена в романе прижизненная судьба «врага народа»?

Человек, не только не виновный, но во многих случаях заслуженный, сделавший что-то для всех очень полезное и важное, выхватывается железными когтями из привычной жизни и отправляется в пыточную. Там из него выбивают признания собственной вины, а также показания на кого-то из знакомых или даже вовсе не знакомых ему людей: цепочка террора не должна прерываться. Его семья, даже оставшись на свободе, тоже оказывается в положении «врагов» со всеми вытекающими последствиями. Если обвиняемому везет, то пройдя через пытки и «суд», он отправляется не к стенке, а в заключение. Но условия заключения таковы, что живые подчас завидуют мертвым.

Какова же посмертная судьба такого человека, что о нем говорят и думают потомки?

А потомки либо тоже посматривают на него с подозрением, либо отворачиваются, либо искренне не замечают. Ради собственного спокойствия и сохранения позитивной картины мира новые поколения, глядя в прошлое, продолжают себе лгать. Но это уже проблема новых поколений. Однажды их взгляд в прошлое может оказаться взглядом в собственное будущее, а дальше — кому как повезет. Орёл или решка.